

**ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛИНГВИСТИКА И ПОЭТИКА
В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ»
(ИРЯ РАН, 24–28 мая 2007 года)**

Оргкомитет конференции: д.ф.н. Н.А. Фатеева (ИРЯ РАН, руководитель проекта), акад. РАН Ю.С. Степанов (ИЯ РАН), проф. Н.А. Николина (МПГУ), к.ф.н. З.Ю. Петрова (ИРЯ РАН), к.ф.н. О.И. Северская (ИРЯ РАН), проф. С. Гардзонио (Пизанский государственный университет, Италия), к.ф.н. Г.В. Денисова (Пизанский государственный университет, Италия). Конференция проводилась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-14009г) и Министерства образования и науки РФ в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык (2006-2010 годы)» (проект № Я-12).

Конференция «Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия», которая проходила в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН с 24 по 28 мая 2007 года, уже четвертая в ряду научных мероприятий, проводящихся традиционно раз в два года совместно с Институтом языкознания РАН, МПГУ и посвященных обсуждению ключевых вопросов, касающихся изучения поэтического языка и индивидуальных художественных систем. На этот раз в числе организаторов конференции был и Пизанский государственный университет, с которым ИРЯ РАН связывает давнее сотрудничество.

Само название конференции неслучайно. «Лингвистика» и «поэтика» не раз встречались в составе атрибутивных, сочинительных или перечислительных конструкций в заглавиях программных статей (ср. «Лингвистика и поэтика» Р. Якобсона и др.), в названиях сборников работ, обобщающих научный опыт выдающихся русских лингвистов (ср. Г.О. Винокур «Филологические исследования. Лингвистика и поэтика». М., 1990; А. А. Реформатский «Лингвистика и поэтика». М., 1987¹), а также целых исследовательских направлений («Лингвистика и поэтика». М., 1979; под ред. В.П. Григорьева). Не меньше повезло и самой «поэтике» в названиях трудов замечательных ученых: «Теоретическая поэтика» А.А. Потебни, «Чем должна быть научная поэтика?» Г.О. Винокура, «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского, «Поэтика и риторика» В.В. Виноградова, «Работы по поэтике» Р. Якобсона, «Поэтика композиции» Б.А. Успенского, «Поэтика слова» В.П. Григорьева и многие другие. Одно только перечисление имен этих авторов говорит о том, насколько лингвистическая поэтика как научная область филологии значима для филологического, и шире – синтетического гуманитарного знания. Неслучайно, в биб-

---

¹ Ср. также сборник: Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского, М., 2004 (Отв. редактор – В.А. Виноградов).

лиографических указателях все эти работы объединены под общей рубрикой: *Лингвистика. Семиотика. Прагматика. Поэтика*.

Поэтому, открывая конференцию, **д.ф.н. Н.А. Фатеева** (ИРЯ РАН) отметила, что в ее задачу собственно и входит обсуждение того, чем должна заниматься лингвистическая поэтика сегодня, в начале третьего тысячелетия. Она сообщила, что в 2006 году в ИРЯ РАН начал работать Научный центр междисциплинарных исследований художественного текста, само название которого воплощает в себе идею того, что лингвистическая поэтика все более вовлекает в свою сферу активно развивающиеся в последнее время смежные области лингвистического и гуманитарного знания: семиотику, логический анализ языка, семантику возможных миров, когнитивистику, теорию речевых актов, философию языка. Междисциплинарный подход помогает рассмотреть под новым углом зрения многие актуальные вопросы собственно лингвистической поэтики, которые определили проблематику данной конференции. Поэтому в ее рамках намечено обсудить целый комплекс вопросов, связанных со строением художественных текстов и их функционированием в современном культурно-историческом контексте, найти новый подход к изучению авторских индивидуальных систем, проанализировать разные типы взаимодействия текстов, а также обнаружить последние тенденции в эволюции поэтического языка. Взаимопроникновение различных гуманитарных дисциплин, продолжила Н.А. Фатеева, ставит кардинальный вопрос о метаязыке лингвистической поэтики в начале третьего тысячелетия. И здесь, важно вспомнить, что в создании этого метаязыка давно участвуют и сами поэты. Ведь основной круг вопросов конференции определился в ходе дискуссий на постоянно действующем в ИРЯ РАН научном семинаре «Проблемы поэтического языка», в котором уже давно принимают активное участие непосредственные участники современного литературного процесса – поэты и писатели. Подобный диалог вполне закономерен, и необходимость его была осознана еще на первых этапах формирования лингвистической поэтики. Так, в заседаниях Московского лингвистического кружка часто принимали участие поэты (В. Маяковский, А. Крученых, Б. Пастернак, О. Мандельштам), они сами выразили желание совместно работать «в области поэтики». Поэты читали свои произведения (ср. первое публичное чтение поэмы Маяковского «150 000 000» в 1920 году) на заседаниях МЛК. Поэтому заключительным пунктом программы, подчеркнула Фатеева, неслучайно объявлены следующие мероприятия: презентации современных литературных журналов, знакомство с новыми произведениями авторов, которые непосредственно участвуют в современном литературном процессе, представление интермедиальных проектов. Затем она приветствовала всех русских и зарубежных участников конференции.

Участников и гостей конференции также приветствовал заведующий отделом корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, **д.ф.н. В.А. Плунгян** (ИРЯ РАН, ИЯ РАН). Он отметил важность сохранения традиции в проведении конференций, посвященных изучению поэтиче-

ского языка и художественного текста, при этом особое внимание, по его мнению, должно быть уделено исследованию языковых процессов в русской словесности последнего времени — рубежа XX-XXI веков — на фоне общеевропейских тенденций развития художественно-языковых форм.

Первым на пленарном заседании под названием **«Основные вопросы лингвистической поэтики»** был прочитан доклад **Н.А. Фатеевой «Лингвистическая поэтика сегодня: проблематика и перспективы развития»**. Его главной целью было наметить основную проблематику дальнейших исследований в области изучения языка художественной литературы. Особое внимание исследовательница уделила обсуждению понятия «поэтическая» функция языка, поскольку сегодня оно нуждается в дополнительном переосмыслении в связи с расширением сферы языковой креативности. Специфика новой языковой креативности связана, по ее мнению, с новым, электронно-виртуальным пространством существования естественного языка. В этом смысле вполне правомерно говорить об «эволюции знаковости» (Ю.С. Степанов) современной культуры и новой компьютерной форме существования человеческого знания. Электронно-виртуальное существование текста порождает и новые координаты функционирования стихотворных форм, когда становятся вариативными сам способ записи поэтической информации и ее реальные носители, что собственно и обнажает саму виртуальную природу поэзии.

Далее последовал доклад **д.ф.н. О.Г. Ревзиной «Поэтическая метафора в когнитивном аспекте»** (МГУ). Обращение к заявленной проблематике обусловлено успешным развитием когнитивного направления в современной лингвистике и поэтике, которое предполагает связь языка с познавательными процессами, со всеми способами обработки, фиксации и хранения информации о мире. В первой части доклада была рассмотрена концепция метафорической концептуализации в поэтическом языке, предложенная Дж. Лакоффом и М. Тернером (в монографии George Lakoff and Mark Turner. *More than Cool Reason / A Field Guide to Poetic Metaphor*. The University of Chicago Press, 1989), и была раскрыта принципиальная неполнота этой концепции, состоящая во невключенности знания, содержащегося в системе языка. Значение этого знания, относящегося ко всем языковым уровням, было продемонстрировано во второй части доклада на примере анализа первого стихотворения М.Цветаевой из цикла «Поэты» (1923) с его главной концептуальной метафорой *Ибо путь комет – Поэтов путь*.

Утреннее заседание продолжил доклад члена-корреспондента РАН **Т.М. Николаевой** (Институт славяноведения и балканистики РАН) **«Тексты: мемуарный, художественный, кинематографический. Точки пересечения, или Кто мог быть прототипом эйзенштейновского Федьки Басманова»**. В нем Т.М. Николаева пыталась провести интермедальное сопоставление различного вида текстов, основанных на разных семиотических принципах, но посвященных одной и той же идее создания при-

влекательного «женственного» мужского образа. Докладчица высказала мысль, что кульминацией фильма Эйзенштейна «Иван Грозный» можно считать цветной эпизод, когда Федор Басманов в сарафане и женской маске, кружится в дионисической пляске, демонстрирующей как его необыкновенную красоту, так и ее призрачный характер. Гениальность Эйзенштейна как раз заключалась в том, что он представил самую дорогую свою мечту в качестве мечты Грозного. Переключение в цвет после 3-х часов черно-белого фильма обнажает двойственность этой ситуации: все преграды устранены, но исполнение желаний тоже отброшено в нереальный мир. Так Эйзенштейн, незадолго до смерти, с помощью маскарада имплицитно рассказал и о своем желании счастья, и о его непрерывном подавлении.

Заклучил первое утреннее заседание доклад **профессора И. Лунде** (Бергенский университет, Норвегия) «**Переосмысление недавнего языкового прошлого (анализ публикаций последнего десятилетия)**». В этом обобщающем докладе были указаны главные тенденции в постсоветском изучении советского «новояза» на фоне общей истории изучения новояза в России и за рубежом, с одной стороны, и с оглядкой на историю изучения языка Третьего рейха, с другой. Особое внимание было уделено тому факту, что почти все исследователи включают в свое понимание предмета исследования, и, соответственно, в состав словника, не только «официальные» элементы новояза (которые можно найти во всех официальных жанрах, политических речах, лозунгах, постановлениях и т.п. — но и элементы *языковых реакций* на официальную языковую практику — из сферы анекдотов, художественной литературы, разговорной речи, сленга). Обсуждались проблемы адекватного определения взаимоотношений «новояза» с «противоязом» (языковыми реакциями) и критиковалась господствующая в этом отношении бинарная модель.

В ходе второго заседания **24 мая** под названием «**Грамматика поэзии и поэтическая грамматика**» были заслушаны доклады, посвященные разнообразным проблемам изучения преобразований на грамматическом уровне поэтического языка. Первой на этом заседании выступила **д.ф.н. М.В. Ляпон** (ИРЯ РАН), посвятившая свой доклад концептуальным константам причины в творчестве М.Цветаевой и И.Бродского. Она проиллюстрировала тезис о том, что понятие «причины» — приоритетный объект интереса для сознания, подверженного «обольщению сутью». Будучи результатом метарефлексии, причина представляет собой акт смыслополагания. Аналитик и парадоксалист — Цветаева и Бродский — утверждают в своем творчестве образ причины-искомого.

В докладе **к.ф.н., докторанта МПГУ Н.М. Азаровой** «**Причастие**» **причастием в философском и поэтическом тексте**» рассматривались актуальные процессы развития форм на «-ем/-им» в философских и поэтических текстах. Были продемонстрированы возможности грамматических форм в выражении трансформированных субъектно-объектных

отношений, роль «носителя субъективности» при этих формах, развитие и актуализация в поэзии и философии омонимии причастий с формами первого лица множественного числа глагола. Семантика субъективности, существования и пространственная трактовались в докладе как семантика «причастности». В конце выступления был сделан вывод о потенциальности форм на «-ем/-им» в дальнейшем развитии семантики сакрального.

Доклад **к.ф.н. А.В. Гик** (ИРЯ РАН) «**Синтаксис как зависимый компонент грамматики стиха**» был посвящен особой роли синтаксической организации в стихотворных текстах М. Кузьмина. Исследовательница продемонстрировала, что на синтаксическом уровне происходит сведение воедино разных видов повторов на различных уровнях текста, а также образование значимых структурных параллелизмов, которые исходно имеют музыкальное начало. В связи с этим было проанализировано стихотворение М. Кузьмина «музыкальной формы» «Английские картинки. Сонатина», которая, с одной стороны, соотносится с делением стиха на короткие (от одного полнозначного слова) строки и строфы разного объема, а, с другой, зависит от грамматических форм слов. Разговорно-балладные интонации разных частей стиха, согласно Гик, по-разному организуют сочетание полных и эллиптических конструкций предложений.

Доклад **профессора С. Валянтаса** (Шяуляйский университет, Литва) «**Выветривание» морфем как поэтический прием**» сопровождался впечатлительной презентацией, в ходе которой литовский поэт С. Гяда читал свои стихи, используя вышеназванный прием. А именно, он максимально сокращал (почти до одних согласных звуков) слова, при этом соединял их особой стихотворной интонацией с падением и восхождением тонов.

Следующее заседание «**Семантические преобразования в художественном тексте и проблема дискурсивной аномальности**» было посвящено широкому кругу явлений нарушения нормативной сочетаемости и языковой аномальности. В докладе **к.ф.н., докторанта МПГУ Е.М. Виноградовой** «**Логические аномалии в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Сон»**» предметом исследования стало стихотворение Лермонтова, которое по-прежнему вызывает слишком противоречивые трактовки филологов. Анализ логической основы семантики текста — его пропозициональной структуры показал, что референциальная неоднозначность и противоречивость денотативного содержания являются не результатом невнимательного или предвзятого чтения, а неотъемлемым свойством самого текста, с помощью которого создается образ онтологически противоречивого и гносеологически неопределенного бытия.

В докладе **к.ф.н. Н.Г. Бабенко** (Калининград) «**Грамматические аномалии в современном художественном тексте: функционально-семантический анализ**» на примере глагольных, именных и местоименных девиаций в произведениях В.Нарбиковой, А.Битова, В.Маканина, М.Шишкина, Т.Толстой было показано, что выдвигание грамматической

аномалии как экспликатора концептуального смысла достижимо только при условии включения аномальной формы в *активный контекст*: ее употребления в качестве ключевого слова; члена градуального ряда однокоренных номинаций или вариантных грамматических форм; компонента лексической структуры кульминационного фрагмента текста; средства репрезентации одного из приемов, обеспечивающих эффект конвергенции.

В данном тематическом блоке особенно запомнился доклад д.ф.н. **Т.Б. Радбиля** (Нижний Новгород) **«Художественное слово в рамках теории языковой аномальности»**, в котором был рассмотрен вопрос о специфике художественного высказывания в рамках оппозиции «н о р м а и а н о м а л и я». Докладчик опирался на коммуникативно-прагматическую трактовку языковой аномальности. С этой точки зрения, по его мнению, особенно важны два положения: положение об обязательной идиоматичности восприятия любой аномалии в речевом общении; положение о разграничении «аномалии говорящего» и «аномалии адресата». В заключение был сделан вывод, что подлинно аномальными являются как раз художественные высказывания и тексты, созданные на «правильном» языке, но не достигающие эстетической убедительности. В модусе читательского восприятия именно они считаются «скучными», «плохими», т.е. излишне «нормальными», тогда как тексты, эксплуатирующие аномальность, напротив, могут становиться эталонными, образцовыми, даже культовыми.

В докладе д.ф.н. **М.Л.Новиковой** (РУДН) **«Остраннение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста»** была сделана попытка целостного описания теории остраннения В.Б. Шкловского. Обоснование целостной концепции остраннения как основы детерминанты поэтической образности, определение его композиционно-речевого и языкового статуса дает, по мнению докладчицы, основание для выдвижения ряда принципиальных важных и новых положений науки о языке художественной литературы как единой филологической дисциплины. Анализ функционирования остранненных знаков и их системных реализаций, создающих текстовые структуры, позволяет сделать вывод об их соотнесенности с языковыми полями и их специфике, связанной с «погруженностью» в текст, а также с определенными контекстуальными преобразованиями, представляющими собой остранненное моделирование поэтической реальности.

Программа заседаний **25 мая** открылась серией докладов, объединенных темой **«Языковые и семиотические особенности практики русских поэтов первой половины XX века»**. Первым был прослушан доклад д.ф.н. **Г.Н. Ивановой-Лукьяновой** (МГЛУ) **«Об интонации стихотворения «А я...» В. Хлебникова»**. В нем докладчица наглядно продемонстрировала, что интонация стихотворения Хлебникова прочитывается благодаря заложенным в тексте интонемам. Это помогает не только установить интонацию всего стихотворения, но и услышать дыхание поэта,

благодаря чему обостряются те чувственные восприятия, которыми наполнено стихотворение. В докладе д.ф.н. **Н.Н. Перцовой** (МГУ) «**Дихотомия Я-неЯ у В. Хлебникова**» была сделана попытка типологии различных типов лирического субъекта в поэзии Хлебникова. Исследовательница творчества Хлебникова отметила, что разные типы «Я» (интегральное, дифференциальное и др.) могут накладываться друг на друга даже в рамках одного стихотворения.

Затем выступила профессор белградского университета **К. Ичин** (Сербия) с сообщением «**Синергетическое прочтение поэзии А. Введенского**». Профессор представила свой новый оригинальный взгляд на поэзию этого автора, которая отличается алогичностью и стремлением смоделировать художественный мир, построенный на противоположных обычному основаниях. Исходя из этого, поэзию А.Введенского можно назвать поэзией «неведомого образа», поскольку он, разрушая «ложные связи», создает свой собственный мир реальности; осознавая его, пытаюсь осмыслить тайны «засмертного» существования.

В докладе к.ф.н. **И. Е. Лощилова** (Новосибирск) «**Иероглифика Н. Заболоцкого: к реконструкции замысла поэмы о Лодейникове**» была предложена попытка реконструкции замысла поэмы Николая Заболоцкого о герое по фамилии Лодейников. Была выдвинута гипотеза о присутствии в подтексте «египетского» слоя, восходящего как к проекту «словаря иероглифов», обсуждавшемуся в кругу чинарей в начале 1930-х годов, так и к статьям В.В.Струве об иероглифике и иерографии, публиковавшимся в Ленинграде в конце 1920-х гг. Эта гипотеза позволяет связать стихотворения о Лодейникове долагерного периода с несколькими стихотворениями 1946-1948 годов и продемонстрировать логику замысла, в которой находят воплощение философские коллизии учений Н.Ф.Федорова и К.Э. Циолковского.

В докладе д.ф.н. **Е.В. Красильниковой** (ИРЯ РАН) «**Мировоззренческие основы поэзии Н. А. Заболоцкого**» было отмечено, что в общелитературном языке есть круг слов, связанных только с контекстом «человек». Например, слово «тело» нормативно употребляется только по отношению к человеку (Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев). В соответствии же с поэтической философией Н.А. Заболоцкого оно сочетается также с явлениями живого мира (растения, рыбы, змеи, животные, птицы) и словами *река, дождик, туча, скала, Европа*. Второй оригинальной системой регулярной сочетаемости в языке поэта обладает слово «руки», которые также являются принадлежностью природных существей (дерево, липы, дубы, растение, конь, корова, безумный волк). Формы *рука, ручка, руки* через сказуемое сочетаются с природными субъектами: *ночь, зима, вся природа*, а также с «субъектами» – *душа, поэзия, судьба, танец, частной собственности бог*. Все последние абстрактные существительные, по мнению Красильниковой, семантически ограничены у Заболоцкого «человеческой» сферой.

В ходе своего доклада **д.ф.н. В.Н. Виноградова** (ИРЯ РАН) продемонстрировала основные тенденции эволюции словотворчества у поэтов Серебряного века. Она подробно остановилась на приемах и моделях создания словообразовательных неологизмов в творчестве И. Северянина, М. Волошина, В. Маяковского, М. Цветаевой. В докладе **профессора из Японии С. Мураты** (университет София, Токио) «**Активное молчание слуха: драматургия ранних стихотворных пьес М.Цветаевой**» была акцентирована мысль, что в ранних, так называемых «романтических» пьесах М.Цветаевой, таких, как «Червонный валет» и «Метель», уже отмечаются зачатки оригинальных драматургических приемов, которые затем получили развитие в «Ариадне» и «Федре», считающихся вершиной поэтической драматургии автора. Докладчик проанализировал соотношение драматургии и поэзии в произведениях М.Цветаевой, написанных в конце 10-х – начале 20-х годов прошлого века, с точки зрения лингвистики и театроведения.

Во время второго заседания этого дня был рассмотрен широкий спектр проблем, связанный со строением прозаического текста и разными типами организации наррации. В докладе **доктора Т. Росэн** (Бергенский университет, Норвегия) «**К нарративной структуре романа Вл. Маканина «Андеграунд или Герой нашего времени» (типы, функции и художественный эффект скобок)**» обсуждался вопрос, что при чтении романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» Владимира Маканина нельзя не заметить, что текст изобилует скобками. В докладе была предложена одна из возможных типологий этих скобочных вставок, затрагивающая не только их формальные свойства, но и их значение для нарративной структуры текста. Цель анализа – показать, что скобки, которые упоминаются по большей части мимоходом в научной литературе о Макаanine, являются составной частью художественного целого романа. Особой текстовой организации рассказов В.Сирина был посвящен доклад **профессора С.Н.Туровской** (Таллинский университет, Эстония) «**Компрессия текста как литературный прием: рассказы В.Сирина**». В частности, было отмечено, что известный способ конденсации текста Сирина делает своим излюбленным литературным приемом. Компрессии подвержены все пласты и элементы текстового пространства (субъект повествования, художественное время, текстовое пространство, имя). Создание такого компрессированного текста, по мнению докладчицы, преследовало, в том числе, и демонстрацию принципиальной непроницаемости сириных текстов для многих видов литературоведческого анализа. В докладе **д.ф.н. М.А. Дмитриевской** (Калининград) «**Алексей или Александр? (А. Лужин между двух иллюзий)**» объектом исследования стала криптограмматичность названия и содержания романа В. Набокова «Защита Лужина». Одновременно был реконструирован фрагмент мультиязыкового анаграмматического кода Набокова. В докладе **профессора Ф. Бьёрлинг** (Лунд, Швеция) «**Влияние кинематографа на организацию наррации в современном прозаическом тексте**» особое внимание было

уделено использованию авторами настоящего исторического времени. По мнению шведского профессора, с одной стороны, таким образом действие оказывается продленным во времени, с другой, — возникает уникальный эффект драматизации повествования. В заключительном докладе **к.ф.н. А.В. Уржи** (МГУ) «**Интерпретация метатекста и воссоздание образа повествователя в художественном переводе**» были представлены результаты исследования преобразований метатекста в вариантах русского перевода англоязычных прозаических произведений жанра ‘tale’ на фоне общих закономерностей интерпретации модусного плана художественного текста и степени его вербализации в переводе. Многочисленные случаи изъятия и добавления метатекстовых элементов в переводах рассматривались в аспекте воссоздания соотношения точек зрения в тексте, их локализации в художественном времени. Варианты перевода были сопоставлены также в плане лексической и грамматической интерпретации метатекстовых оборотов, непосредственно связанной с формированием образа повествователя.

На вечернем заседании «**Вопросы авторской лексикографии**» были заслушаны доклады, посвященные проблемам составления авторских словарей. С вступительным докладом «**Современная картина авторской лексикографии**» в этом тематическом блоке выступила **к.ф.н. Л.Л. Шестакова** (ИРЯ РАН). В нем были рассмотрены состояние и тенденции развития этой словарной отрасли в последнее десятилетие. Среди основных направлений работы в пространстве авторской лексикографии были выделены: составление, с соответствующим теоретическим сопровождением, словарей языка русских писателей, подготовка авторских справочников по творчеству зарубежных писателей, исследования в сфере инонациональных авторских лексикографий. Л.Л.Шестакова остановилась на тех особенностях, которые обнаруживаются в разработке центральных вопросов теории авторского словаростроения – типологии словарей писателей, формирования словника и организации словарной статьи. Из черт, характеризующих свод словарей рубежа веков, докладчицей были отмечены: заметное расширение состава лексикографируемых авторов, увеличение ранее сформировавшихся семейств писательских словарей, рост числа регистрирующих авторских справочников, усиление принципа серийности в создании словарей писателей, формирование авторской интернет-лексикографии и др.

Затем был зачитан доклад **профессора С.Гардзонио** (Пизанский университет, Италия) «**Итальянский словарь русских поэтов и культурно-поэтическая функция итальянизмов в русской поэзии конца XIX – начала XX веков**», в котором автор предложил своеобразное продолжение своего исследования языкового и, в частности, лексического материала итальянского текста («текст Италии») русской поэзии. Он напомнил о своих более ранних работах, посвященных, с одной стороны, поэтическому языку русского романтизма, а, с другой — поэзии младшего поколения Серебряного века. Предметом настоящего выступления яв-

лялся анализ средств формальной передачи и функциональной роли италиянизмов в стихах поэтов модернизма на некоторых примерах из творчества представителей старшего поколения русских декадентов и символистов.

В докладе **к.ф.н. Л.И. Колодяжной** (ИРЯ РАН) «**Пространство преобразований филологического словаря**» была представлена история вопроса, дано понятие пространства преобразований филологического словаря, а также выделены четыре типа преобразований (таблица, выборка, проекция, инверсия). Далее были проанализированы и интерпретированы фрагменты пространства преобразований для словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен».

В докладе **к.ф.н. А.С. Красниковой** (РГГУ) «**Проблемы авторской лексикографии и диахронически неустойчивые тексты**» основное внимание было уделено постановке проблемы и сложностям, возникающим при составлении авторских словарей для корпусов, в которые входят диахронически неустойчивые тексты. Она отметила, что авторская лексикография отличается от других ветвей лексикографии по многим параметрам. Одно из важнейших отличий заключается в «презумпции корпуса». Обычно заранее предполагается, что корпус словаря заведомо известен: когда лексикограф приступает к работе, тексты уже установлены и отобраны автором или текстологами. Однако эта предпосылка носит лишь дефинитивный характер. Существует ряд ситуаций, в которых составителю писательского словаря необходимо заниматься корпусом самостоятельно. Определение и создание корпуса становится пусть предварительным, но все-таки важным этапом работы лексикографа. Это те ситуации, когда в корпус должны войти произведения со сложной историей — *диахронически неустойчивые тексты* — т.е. произведения, которые существуют хотя бы в двух версиях, и при этом хотя бы в одной из версий существуют изменения, небезразличные для общего значения текста.

Заклучил заседание доклад **д.ф.н. Р.И. Розиной** (ИРЯ РАН) «**Модели метонимии в поэзии Иосифа Бродского**», в котором исследовательницей была предложена собственная классификация различных типов метонимических переносов в текстах поэта, опирающаяся на хорошо известную типологию семантических преобразований М.Л. Гаспарова.

Два утренних заседания **26 мая** были посвящены общей проблеме «**Активные процессы в русской словесности рубежа XX-XXI веков на фоне общеевропейских тенденций развития художественно-языковых форм**». Прежде всего, были обсуждены проблемы, связанные с эволюцией поэтического языка и стихотворного текста последнего времени. Открыл заседание доклад **профессора В.Г. Вестстейна** (Амстердамский университет, Нидерланды) «**Отсутствие лирического «Я» в современной поэзии**». В нем докладчик пытался показать, что в современных поэтических текстах лирическое «Я» часто не выражено, поскольку нет однозначной идентификации субъекта высказывания. Эту тенденцию амстердамский профессор объясняет тем, что поэты в настоящее время бо-

лее склонны к семиотическим и языковым играм, чем к выражению лирической субъективной позиции.

В докладе к.ф.н. **З.Ю.Петровой** (ИРЯ РАН) «**О некоторых характеристиках лирического героя в поэзии И. Бродского**» рассматривалось семантическое поле «Эмоции, внутренние состояния», характеризующее лирического героя. При анализе функционирования слов данного поля у Бродского, по мнению докладчицы, можно сделать вывод о том, что у него безусловно преобладают обозначения отрицательных эмоций. Если их располагать в порядке убывания частоты, то картина будет следующая: «страх», «горе», «печаль», «грусть», «боль», «мука», «страдание», «несчастье», «скорбь», «сиротство», «безнадежность», «безрадостность», «злость», «недоверие», «ненависть» и др. К этому же полю можно отнести и семантические группы «одиночество» и «безумие», слова которых обозначают внутренние состояния, очень характерные для лирического героя Бродского. Часто встречаются контексты, в которых лирический герой положительно оценивает подобные внутренние состояния. При этом в текстах поэта встречаются и обозначения положительных эмоций, из которых наиболее частотны «любовь», «счастье», «благодарность», «радость», «нежность», «страсть», хотя «положительный знак» этих эмоций очень часто снят у поэта.

Затем слово было предоставлено к.ф.н. **О.И.Северской** (ИРЯ РАН), которая выступила с докладом «**Поэтическая проза и прозаизированная поэзия** (на материале произведений рубежа XX-XXI веков)». Ею были коротко рассмотрены приемы поэтизации прозы (использование поэтического ритма, создание в тексте сети семантических и иных эквивалентностей, использование звуковых повторов и т.п.), но основное внимание уделялось прозаизации поэтического текста. О.И. Северская отметила, что современные авторы используют переход от поэзии к прозе часто в пределах одной книги (А.Драгомощенко, И.Жданов, С.Соловьев, А.Парщиков, Т.Щербина) и даже одного текста, в котором стих плавно перетекает в прозу и обратно (А.Драгомощенко). Особенно интересны тексты, в которых поэзия представлена в форме прозы. В докладе были рассмотрены такие формы прозаизации стиха, как: (1) непомерное растягивание стихотворной строки, использование приема «расшатывания ритма», (2) запись стиха в одну строку, в прозаической форме (версе, метризованная ямбическая проза), (3) использование разрыва сильных логических и синтаксических связей в местах членения на строки и строфы, заставляющее «собирать» текст воедино; (4) использование прозаических эпиграфов, авторских прозаических комментариев в сносках к поэтическому тексту и т.п.

В докладе д.ф.н. **Л.В.Зубовой** (Санкт-Петербург) «**Современные эпитеты в поэзии**» говорилось о том, что на свойства современного эпитета повлияла установка избегать в стихах прилагательных, модная в 1960-70-х годах и хорошо известная по высказываниям Бродского. Реакцией на нее стало утрированное скопление эпитетов в перечислительных

рядом, активизировалась изобретательность в поисках неожиданных определений. Странные эпитеты со смещением референтной отнесенности становятся мощным средством создания компрессии, актуализируется их контекстуальная полисемия, современные значения прилагательных совмещаются с архаическими, часто наблюдается дефразеологизация сочетаний с постоянными эпитетами, появляется много прилагательных-неологизмов. Все это не только хорошо отражает картину мира современных поэтов, но и свидетельствует об актуальных процессах семантической динамики в русском языке.

Завершающим на первом заседании дня стал доклад д.ф.н. **Н.А. Кузьминой** (Омск) «**Книга стихов: опыт синергетического описания (Вера Павлова «Письма в соседнюю комнату: Тысяча и одно объяснение в любви». М., 2006)**». В нем рассматривался феномен книги стихов как особого способа упорядочения поэтической материи, дающего неожиданное приращение смыслов. На примере лирической книги Веры Павловой демонстрируются *центростремительные* тенденции, обеспечивающие единство книги (взаимодействие четырех семиотических систем – фотографии, рисунка, слова, музыки, выдвигание неязыковых фактур текста, повторяющиеся стилевые элементы и т.д.), и *центробежные* (большой объем книги – 1001 стихотворение, – прогнозирующий нарративность, содержательную и формальную структурированность). Доказывается, что в рамках книги как целого существуют элементы (стихи), приобретающие новую референцию в структуре целого или вообще неспособные к самостоятельному бытованию. Таким образом реализуется синергетический закон самодистраивания смысла в структуре сложного объекта.

Следующее заседание, посвященное структурной организации современных прозаических и драматических текстов, вели итальянские коллеги — доктор **Г.В. Денисова** (Пизанский университет) и профессор **Г. Импости** (Болонский университет). Его открыл доклад **Г. Денисовой** «**Стереотип и творчество: проза рубежа веков в контексте стилистической парадигмы русского языка**», в котором исследовательница постаралась суммировать изменения, произошедшие в языке современной русской прозы, и те активные процессы, которые определяют развитие современного русского литературного языка. Она отметила, что такие явления, как общая свобода речевого поведения, проявляющаяся, в частности, в отношении к лингвистической норме как к выбору и в расширении функций разговорной речи, тематическое разнообразие, заметная персонафикация формы наряду с повышением диалогичности, привели к увеличению личностных дискурсов и, в целом – к смене коммуникативной парадигмы. Все эти процессы, по мнению Денисовой, во многом являются следствием расширения источников литературного языка, когда на место «первичных» текстов, т.е. традиционного образца книжной речи «литературной литературы» пришли тексты «вторичные», поставляемые СМИ и отличающиеся доминированием визуальных кодов. В общем же развитии русской прозы конца XX-начала XXI столетия она отчетливо

выделяет две тенденции, которые скорее дополняют, чем исключают друг друга. Первая — занимается поиском новых художественных средств выражения и вызвана, с одной стороны, потребностью в осмыслении/пересмыслении произошедших на уровне языкового поведения перемен, а с другой, — глубинной полемикой с парадигмой постмодернизма его же методами, приспособленными к новым обстоятельствам. Вторая тенденция находит свое воплощение в сфере нерелективного дискурса, т.е. обнаруживает стремление к слиянию с языковым коллективом и к фиксации языка в данный исторический момент.

В докладе **доктора Б. Сульпассо (Рим) «Тень Вавилона и ее поэтическая функция в театре В. Сорокина»** было отмечено, что литературное кредо этого писателя (выражаясь метафорически) основано на видении мира как лингвистического «бульона»: романы, рассказы, театральные пьесы и киносценарии становятся экспериментальной сценой не только всевозможных остроумно и умело сконструированных и деконструированных стилей, но и разных языков, аппетитно приготовленных и предъявленных читателю на стилистически-лингвистическую «дегустацию». При этом Сульпассо отметила, что сорокинская проза в такой мере тяготеет к театру и кино, что стилиемы этих жанров не могут не проникать в нее. В докладе же были проанализированы две пьесы Сорокина: «Русская бабушка» и «Dostoevsky-trip». Последняя пьеса рассказывает о путешествии в и сквозь литературу: Пятеро мужчин и две женщины лихорадочно ждут торговца литературными наркотиками. Ирония и гримасы начинают первые диалоги пьесы: «вкалывание» себе Толстого или Бальзака приносит разный эффект, приняв же дозу Достоевского, семеро героев оказываются спроецированными в литературное пространство «Идиота». Однако сорокинское путешествие, заключила Сульпассо, только кажется «наркотическим», ведущим к потере самого себя. В действительности, все как раз наоборот: путешествие или чтение Достоевского позволяют исследовать собственную душу и вернуться к страданиям, оставившим в ней отметину.

Следующий доклад **доктора О. Обуховой (Пиза, Италия) «Особенности нарративной структуры Чик-лит»** познакомил всех присутствующих с новым направлением в «женской прозе». «Чик-лит» переводится как «цыпочкина литература» и является литературным воплощением феминизма «третьей волны». Чик-лит обладает следующими характеристиками, отличающими его от традиционного «розового» романа: ироническим отстранением от драматизма или трагедийности и юмористическим автообразом. Почти обязательное я-рассказывание, часто в дневниковом режиме, имплицитно описывает события, происходящих здесь и сейчас. По своей тематике это современный городской роман, рассказывающий о повседневных ситуациях и проблемах в жизни женщины от лица и/или с точки зрения женщины. Критики и исследователи считают, что чик-лит не столько новый тип любовного романа, сколько новый тип женской прозы. Основное здесь не любовная история с ее перипетиями и

счастливым концом, а поиски своей (женской) идентичности в жизни большого города адаптации к работе, окружающей среде с ее соблазнами, преодоление одиночества, поиски друзей и любви.

В докладе **к.ф.н. О.В. Евтушенко** (МГЛУ) «**Преобразование концептов как стратегия в современной прозе**» были охарактеризованы три способа преобразования концепта «Любовь» — компрессия, обращение и смещение, — которые можно наблюдать, в частности, в романе М.Шишкина «Венерин волос», Н.Кононова «Нежный театр» и книге В.Ерофеева «Бог Х». Эти стратегии позволяют преобразовать как концепт в целом, так и отдельные его части.

Заключительным в данной серии оказался доклад профессора **Г. Импости** (Болонья, Италия) «**От искусственного интеллекта к «голографической» литературе**». Докладчица обратила внимание слушателей на то, что недавно в новейшем издании итальянской «Философской Энциклопедии» была опубликована статья, которая ввела новое понятие «вычислительной литературы». Чтобы понять его сущность, необходимо обратиться к новейшей истории лингвистики и особенно той области, которая известна под названием «искусственный интеллект», являющийся синтезом многообразных отраслей науки от лингвистики до инженеринга. Импости рассказала далее, что активное участие в образовании этого направления приняла профессор Болонского университета Грациэлла Тонфони, которая сотрудничала с Минским в МИТе с 1981 по 1986 гг. Литературный подход к вычислительной лингвистике возник в результате потребности привить новые научные парадигмы, отработанные в США, в итальянской научной среде. В своей диссертации «Перевод как текстуальная парафраза» Г. Тонфони высказала идеи о том, что, во-первых, язык, на котором выражается наука, оказывает значительное влияние на способ организации умственных процессов и самого научного дискурса, отражающего эти достижения. Во-вторых, надо учитывать определенную ориентацию на литературность и гуманитарные науки в итальянской научной среде. Конечным этапом длинного пути образования «вычислительной литературы» явилось сочинение Г. Тонфони «Дневники научного творчества» (Tonfoni G., 2005, *I Diari della creatività scientifica e letteraria (1980-2005)*), которые вышли в конце 2005 г., как итог двадцатипятилетнего пути в науке этого автора. В этой книге Тонфони соединяет принцип литературности изложения своих исследований с принципом «голограммы».

Вечернее заседание «**Стих и проза: испытание практикой**» открыл доклад **д.ф.н. Ю.Б. Орлицкого** (РГГУ) «**Стих и проза: строгая дихотомия или концентрические круги?**», в процессе чтения которого было показано, как современная поэтическая практика «проверяет на прочность» два основных подхода в разграничению стиха и прозы — условно говоря, дихотомический и концентрический. По мнению автора, первый из них оказывается более предпочтителен для анализа именно современной словесности, в которой большое место занимают различные варианты так называемых гибридных и переходных форм. Затем был заслушан док-

лад **к.ф.н. Т.В. Скулачевой** (ИРЯ РАН) «**Лингвистические особенности стиха в отличие от прозы**». Исследовательница привлекла внимание слушателей к вопросам организации стихотворной строки, так как именно деление стиха на строки она считает конструктивным признаком стиха. Скулачева также показала, как в стихе поддерживается единство стихотворного ряда за счет особого распределения сильных и слабых синтаксических связей.

В докладе **к.ф.н. Г.В. Векшина** (Московский государственный университет печати) «**Метафония и рифма (о предпосылках морфологизации созвучия в стихе)**» было отмечено, что важнейшим фоном звуковой ассоциативности и звуковой повторяемости в тексте является сегментно-слоговая и ритмико-просодическая фактура речевой единицы, ее ритмический рельеф. Рифма, как всякий эхо-повтор, является звуковым продолжением и закреплением слогового и просодического параллелизма. Иное качество придает тексту метафония: акцентно и инверсивно варьируемые фоносиллабические комплексы ориентированы на связывание, плетение словесных рядов в рамках синтагматических целых, на отыскивание субстанционального сходства значимых словесных частей – морфем. Способствуя синтагматической консолидации созвучия, метафония заявляет о готовности повторяемых непрерывных сегментов (фоносиллабем и их объединений) стать носителями дополнительных семантических функций и открывает перспективу морфологизации созвучия, создания альтернативной морфологии поэтического текста.

Итоговым в данном тематическом блоке был доклад **д.ф.н. В.А. Плунгяна** «**Тонический стих у Ахматовой, Г. Иванова и Мандельштама: три типа метрической эволюции**», где речь шла о сопоставлении тенденций в использовании тонической метрики (дольников и тактовиков) у трех поэтов, связанных в начале своего творчества с акмеизмом. Были предложены некоторые терминологические уточнения, позволяющие более точно классифицировать типы дольников, и были выделены три типа дольника, условно называемые «классический», «логаэдический» и «расшатанный». Было показано, что три указанных автора в терминах этой классификации демонстрируют три разных типа эволюции стиха. Так, у Ахматовой в целом сохраняется стабильный классический тип дольника с некоторой слабой логаядизацией в позднем творчестве, но компенсированной небольшим ростом тактовиков; Г. Иванов, начинавший с весьма радикальных экспериментов с тактовиком и расшатытым дольником, постепенно эволюционировал к стандартной силлаботонике; после 1927 г. ни тактовик, ни расшатытый дольник у него практически не встречаются. Для Мандельштама дольник в целом не очень характерен, при этом в раннем периоде представлены немногочисленные логаядические дольники, которые впоследствии исчезают, уступая место правильным размерам, но, начиная с 1920 г., появляются – также не очень многочисленные, но постоянные – опыты расшатытой метрики. Несмотря на немногочисленность таких опытов, метрическое новаторство Ман-

дельштама оказывается радикальнее ахматовского и зеркально по отношению к Г. Иванову. Таким образом, он в целом, в отличие от «неоклассиков», осторожно следует за общей линией 1920-х гг. Тем самым, заключил В.А. Плунгян, эволюция Ахматовой может интерпретироваться как победа метрической «суровости», эволюция Г. Иванова – как победа метрической «небрежности», а эволюция Мандельштама – как победа метрической «раскованности».

Параллельно **26 мая** проходила секция молодых ученых под названием «**Уровни текста и методы его лингвистического анализа**», которой руководила профессор **Н.А. Николина** (МПГУ). Первой среди молодых ученых выступила аспирантка Санкт-Петербургского университета **Д. СЗначение пустого места в структуре текста современных поэтов (семантика и динамика пустот и пробелов)**». Она рассмотрела природу пустого места и полупробелов, выраженных не пропуском знака, а непробельными языковыми знаками. При этом аспирантка отметила, что эти приемы несут разное значение в разных стихотворениях современных поэтов, однако всегда оправданы общим смыслом текста и поддерживаются другим инструментарием поэтических приемов. Было выдвинуто предположение, что пустое место является знаком самого себя, и, соответственно, его знаковая природа не вполне «треугольна», понятие и вещь существуют, а знак отсутствует. Общие выводы сообщения Суховой можно свести к следующему: пустота не расшатывает, а уплотняет стиховую структуру, однако сформулировать универсальный и объективный смысл пустоты в структуре поэтического текста не представляется возможным.

Далее с докладом «**Сочинение и подчинение в стихе и прозе (русский и французский язык)**» выступила аспирантка ИРЯ РАН **М.В. Буякова**. Она рассмотрела соотношение сочинительных и подчинительных связей в стихе и прозе в русском и французском языке на материале литературных произведений XVII-XX вв., а также попыталась выявить некоторые синтаксические особенности, отличающие стих от прозы. В заключение она сделала вывод, что сочинительные связи преобладают в стихе, а подчинительные связи в прозе. Наиболее ярко эта тенденция выражена у Пушкина и у Гюго. Тот факт, что данная закономерность встречается не только в русской силлаботонике разных периодов и литературных направлений, но и во французском языке, позволяет, по мнению Буяковой, предположить, что мы имеем дело с некоторой общей закономерностью, отличающей стих от прозы. Кроме того, было отмечено, что у всех авторов от прозы к стиху увеличивается количество бессоюзных связей.

Доклад аспирантки ИРЯ РАН **Ю.И. Насоновой** был посвящен **особенностям свободного стиха Н.К. Рериха**. Она отметила, что одной из уникальных черт верлибров Н. Рериха является частое обращение к стиховым переносам. Так, в его поэтическом сборнике «Цветы Мории» соотношение анжамбеманов к синтаксически завершённым строкам наблюдается в пропорции 49:51. Второй особенностью «антисинтаксического» свободного стиха Рериха является его резкость, поскольку стихораздел в

большинстве случаев проходит в пределах сильных синтаксических связей. Насонова подчеркнула, что доказать необходимость для Рериха такого художественного приёма, как анжамбеман, его актуальность и функциональность, помогает сравнение черновиков стихотворений и опубликованных вариантов, которое показывает эволюцию поэтического стиля Рериха, его изменение и предпочтение в большем числе случаев строк со стиховым переносом. В то же время явление стихотворных переносов теснейшим образом связано с концовкой стихотворений. 57 последних строк из 63 стихотворений представлены анжамбеманами, 86 % которых образовались в результате разрыва сильных синтаксических связей на стыке стихотворных строк. Особенно интересна эта закономерность потому, что в стихотворениях Рериха почти во всех случаях конечная строка равна заглавию стихотворения. Таким образом, финальные слова оказываются в трижды сильной позиции: как конец стихотворения; как конец стихотворения, отмеченный анжамбеманом; как конец стихотворения, отмеченный анжамбеманом и совпадающий с заглавием стихотворного текста.

Доклад аспирантки ИРЯ РАН Т.А. Хазбулатовой **«Вопрос как форма поэтической речи: от риторики к лингвистической поэтике»** был посвящен особенностям функционирования вопросительных конструкций в поэтическом тексте. Докладчица заметила, что долгое время риторическая функция считалась основной для лирического вопроса. Этому способствовала особенная коммуникативная организация лирического текста, а именно, — отсутствие реального собеседника, что автоматически переводило все лирические вопросы в разряд риторических. До сих пор бытует устойчивое мнение, что лирический вопрос по сути дела является «квазивопросом» или «псевдовопросом». Однако такое представление не соответствует истинному положению дел, и в процессе чтения своего доклада аспирантка пыталась доказать, что лирический вопрос также нацелен на поиск информации.

В докладе докторантки Т.В. Ряпиной (МГЛУ) **«Лингвистический анализ поэтических текстов И.А. Бродского на материале сборника «Часть речи»** был представлен лингвистический анализ стихотворений сборника И. Бродского «Часть речи» в сопоставлении с их переводами на немецкий и польский языки с точки зрения выявления в них лингвоментальных категорий, таких как: пространство – время; абстрактное – конкретное; причина-следствие; единственность – множественность; свой – чужой; статика – динамика. Данные категории присутствуют в той или иной степени во всех текстах этого цикла и составляют их семантическое ядро. Выделение подобных категорий, по мнению Ряпиной, важно не только с теоретической точки зрения, но и в прикладном аспекте: предполагается, что эти категории, в грамматическом и/или лексическом варианте должны максимально сохраниться при переводе поэтических текстов на иностранные языки.

В своем докладе **«Стилистическая роль усеченных прилагательных в русской поэзии»** аспирантка ИРЯ РАН **А.С. Кулева** отметила, что усеченные прилагательные – одна из характерных черт языка поэзии XVIII века. Их появление принято связывать с несовершенством русской силлабо-тонической поэзии на начальном этапе ее существования. Однако тот взгляд, что усечения играли роль технического версификационного средства, оказывается очень однобоким, если проследить историю их употребления в языке русской поэзии. Усеченные формы встречаются и в поэзии XIX-XX вв., и в стихах современных поэтов, где их стилистическая нагрузка многообразна. Так что определяющим признаком усеченных форм следует называть не искусственность их образования и техническую роль в языке поэзии, а укорененность в традициях русской литературы, проявляющуюся в стилистической окраске усечений.

Доклад аспирантки Калининградского университета **М.В. Гавриловой** под названием **««Я умер прежде смерти»: смысловая реализации парадоксальных высказываний в рассказах Ю. Буйды»** был посвящен анализу лексико-семантических и текстовых особенностей реализации парадоксальных высказываний в рассказах этого автора. По наблюдениям докладчицы, в основе большинства подобных сочетаний лежат концепты «жизнь» и «смерть». Исследование их смысловой реализации позволяет реконструировать особенности мировосприятия писателя, которое существенно отличается от обыденного и по своим особенностям близко архаическому мышлению с его нерасчлененностью и единством восприятия мира. В то же время эффект парадоксальности снимает внешнее противоречие, обнаруживая внутреннюю оборачиваемость понятий.

Далее было заслушано сообщение аспирантки Ярославского педагогического университета **О.П. Бышук** **«Новообразования С. Кржижановского в контексте русского словотворчества первой половины XX века»**. Основная мысль сообщения состояла в том, что словотворчество прозаика С. Кржижановского должно изучаться с точки зрения преемственности по отношению к словотворческой практике русской литературы начала XX века, в то же время необходимо и раскрытие отличных от нее эстетических установок автора. Последнее предположение аспирантка обосновала рядом факторов. Во-первых, необходимостью учитывать хронологический аспект, поскольку временной разрыв между пиком словотворчества в поэзии футуристов и периодом творчества С. Кржижановского составляет около 20 лет, во-вторых, невозможностью не принимать во внимание литературно-родовое различие сравниваемого материала (поэзия-проза), что в определенной степени может отразить различие творческих установок. В конце заседания выступил докторант МПГУ **О.А. Титов** (Ярославль) с докладом **«Мотив «шахматной игры» в рассказах В. Набокова»**. По мнению докторанта, шахматный мотив оказывается в произведениях Набокова одним из «ключей» к пониманию их глубинного смысла, и само литературное произведение при этом уподобляется шахматной задаче, от решения которой зависит как объем инфор-

мации, так и степень того эстетического удовольствия, которые в конечном итоге получит читатель.

Утреннее заседание **27 мая «Художественный текст в культурно-историческом пространстве»** вел академик РАН **Ю.С. Степанов** (ИЯ РАН). Открывая заседание, он подчеркнул важность проведения конференции, посвященной разным аспектам изучения художественного текста и поэтического языка. Затем он предоставил слово для доклада профессору МПГУ **Н.А. Николиной**. В своем докладе **«Нарративная структура современного автобиографического текста»** исследовательница рассмотрела основные тенденции в нарративной структуре современных автобиографических текстов. Были отмечены такие особенности автобиографической прозы рубежа XX-XXI веков, как усложнение темпоральной организации текста, фрагментарность, отказ от линейной модели построения автобиографического дискурса, коммуникативные сдвиги, а также особая дискурсивность текста, проявляющаяся в последовательном внимании к текстам и культурным знакам, определяющим образ «Я».

Следующий доклад к.ф.н. **Л.Г. Пановой** (ИРЯ РАН) **«Вторая жизнь "Египетских ночей" А.С.Пушкина: к 170-летию публикации»** был посвящен тому, как незавершенные пушкинские фрагменты, на темы исторической и современной Клеопатры, с одной стороны, и поэта-импровизатора, с другой, повлияли на русскую литературную традицию. В нем обсуждались принципы идентификации пушкинских потомков, одна ветвь выстраиваемого генеалогического древа (Клеопатра под чужими именами) и способы измерения прокреативности «Египетских ночей» и примыкающих к ним пушкинских текстов. Оказалось, что пушкинскими «наследниками» можно считать по меньшей мере сорок текстов за столетний период начиная с 1837 года (первой публикации «Египетских ночей»), а, кроме того, десяток жизнетворческих программ Серебряного века, и что каналы влияния были самыми разными: с привычными (передачей образов, сюжетов, сцен, лексики и т.д.) соседствовали оригинальные — в частности, дописывание пушкинских фрагментов за Пушкина.

В докладе д.ф.н. **М.Ю. Михеева** (МГУ) **«Кто такие дневниковод и дневниковед? Или как назвать человека, который ведет дневник?»** был обсужден широкий круг вопросов, связанный с таким жанром, как литературный дневник. Докладчик в ходе выступления отвечал на собственные вопросы: Ради чего пишутся дневники? Каковы функции дневника? Как дневнику назвать себя? Кто является адресатом дневника? Затем было обозначено различие между дневниками «литераторов» и «нелитераторов», а также выделены признаки, отличающие дневник от устного рассказа.

Доклад к.ф.н. **В.В. Фещенко** (ИЯ РАН) **«Формализм +/- эстетика: из истории и теории лингвистической эстетики»** был посвящен широкому кругу вопросов, связанных с точками пересечения лингвистики и эстетики.

В докладе докторанта МГУ, к.ф.н. **Е.Ю. Жевны** «**СЛАДКОЕ как один из концептуальных признаков концепта ВОСТОК**» был продемонстрирован анализ языкового материала, позволяющий выявить несколько групп, в которых СЛАДКОЕ связано с ВОСТОЧНЫМ: 1) особый характер восточной музыки; 2) кондитерские изделия, имеющие особую рецептуру; 3) своеобразные запахи; 4) характеристика внешности человека; 4) характеристика женщины. Регулярность и частотность в использовании носителями русского языка признака СЛАДКОЕ по отношению к восточным: музыке, еде, запахам, внешности и женщине — дает возможность говорить об этом признаке как об одном из базовых концептуальных признаков концепта ВОСТОК.

Заключительное научное заседание конференции «**Текст как объект междисциплинарного исследования**» вел д.ф.н., зам. директора **Института языкознания РАН В.З. Демьянков**. Открыл заседание доклад докторанта **М. Паулсена** (Бергенский университет, Норвегия), который был посвящен описанию модели стандартного языка, разработанной автором. Стандартный язык описывается им не только как результат исторического процесса, как это часто делается в литературе, а как «языковая» ситуация, возникшая и развивающаяся при определенных исторических условиях. Модель показывает особое значение металингвистического уровня для развития языка. В качестве примеров металингвистических дискуссий были приведены высказывания литературных критиков о состоянии и развитии современного русского языка.

В докладе д.ф.н. **Н.Г. Брагиной** (Институт русского языка им. А.С. Пушкина) «**Мотив во фразеологическом тексте**» обсуждался вопрос о текстовой природе слов-концептов (таких как *память, хаос, красота*). Был предложен фрагмент текста, составленный из фразеологизмов с опорным компонентом *Память*. Текст получил название фразеологического. Была высказана и проиллюстрирована мысль о возможности применения к фразеологическим текстам мотивного анализа, что в будущем позволит найти общие подходы к описанию авторских и фразеологических текстов (последние представляют языковой узус). Это даст возможность проследить динамику фразеологических мотивов и типы их трансформаций в авторских текстах, а также несколько расширить область концептуального анализа.

Доклад д.ф.н. **Н.А. Купиной** (Екатеринбург) «**Точность художественной речи: возможности лингвистической интерпретации**» был посвящён лингвистическому исследованию точности художественной прозаической речи. Н.А. Купина выделила два направления лингвистической интерпретации — культурноречевое и лингвостилистическое. На материале современных текстов массовой литературы она отметила случаи немотивированного отступления от норм словоупотребления (употребление слова в несвойственном ему значении; смешение значений слов-паронимов и неоправданные паронимические новации; сдвиги в лексической сочетаемости; неудачные новообразования; ложная образность). В заключе-

ние было приведено доказательство того, что специальным объектом лингвистической критики становятся речевые средства, употребление которых наносит читателю морально-психологический ущерб.

В докладе **д.ф.н. Н.В. Перцова** (ИРЯ РАН) «**Поэзия орфографии и орфография поэзии**» на ряде примеров поэтических текстов Золотого века, в основном, из произведений Пушкина, была продемонстрирована функциональная нагруженность старой русской орфографии. По мнению Перцова, современная орфография стирает некоторые существенные графические различия, имевшие поэтическую значимость, а также изменяет некоторые написания, имевшие психолингвистическую значимость, например, 1) окончания *-e* vs. *-̃* в парадигме существительных среднего рода; 2) омофоны *миръ* vs. *миръ* (превращенные в современной орфографии в омонимы); 3) окончания прямопадежных адъективных форм мн. числа им. и вин. неодуш. падежа *-ые/-ие* (для мужск. рода) vs. *-ыя/-ія* (для женск. и средн. родов); 4) безударные синонимичные окончания *-ый/-ий* и *-ой* прямопадежных адъективных форм ед. числа мужск. рода, имевшие значения для зрительной рифмы; 5) вариантные безударные окончания некоторых глаголов 2-го спряж. в 3-м л. наст. вр.: *дышетъ / дышитъ, дышутъ / дышатъ*; 6) формы местоимения 3 л. мн. ч. *они* vs. *он̃* и местоимения-числительного мн. ч. *одни* vs. *одн̃*; 7) формы местоимения 3-го лица жен. рода *ея* (род. пад.) ~ *ее / еѣ* (вин. пад.); 8) противопоставленные написания со строчной и прописной буквы (*воображенье* vs. *Воображенье, небо* vs. *Небо, муза* vs. *Муза, пиитъ* vs. *Пиитъ*); 9) отдельные написания типа *въ прокъ*, превращенные в слитные в современной орфографии с устранением возможной грамматической автономности их компонентов. Приведенный материал доказательно говорит о том, что для аутентичной передачи и аутентичного восприятия классических текстов необходимо сохранение оригинального режима правописания.

В докладе **к.ф.н. П.Б. Паршина** (МГИМО) под названием «**Поэтика рекламного текста: репертуар приемов метаграфематики**» было показано, что никакой вербальный текст, предполагающий визуальное восприятие, не может быть сведен к некоторому вербальному контенту (далее ВК), проинтерпретированному средствами той или иной системы письменности. Результат такой интерпретации – (орфо)графическая запись – интерпретируется еще как минимум один раз разнообразными средствами, создающими материальную оболочку и визуальный облик такой записи. Для обозначения совокупности этих средств в докладе используется термин Й. Гельба «метаграфематика», использовавшийся в более ранней совместной с А.Н. Барановым публикации автора. В докладе рассматривались (на примере печатной формы существования текста и с учетом литературы вопроса, в которой особое место занимает давняя книга А.А. Реформатского «Техническая редакция книги») репертуар метаграфематических средств, включающий в себя (а) субстанциональную метаграфематику (выбор материала визуальной записи ВК), (б) хромографематику (цветовую интерпретацию ВК), (в) супраграфематику (шрифтовую ин-

терпретацию ВК), (г) топографимику (пространственную, в основном плоскостную интерпретацию ВК), (д) динамическую метаграфимику (анимация текста и сходные явления) и, возможно, (е) синграфимику (попростому — пунктуационную интерпретацию ВК, традиционно относимую к компетенции лингвистики).

Последним на заседании был заслушан доклад **к.ф.н., профессора Ю.К. Пироговой** (кафедра рекламы РЭА им. Г.В. Плеханова) «**Расширение медиа: поэтика семиотических преобразований в рекламе**», который сопровождался презентацией. Докладчица отметила, что увеличивающийся приток средств в сферу рекламных коммуникаций приводит к возрастанию количества рекламы, воздействующей на потребителя. Современное рекламно-информационное пространство характеризуется как «рекламный шум». В огромном потоке маркетинговой информации каждому сообщению все труднее «достучаться» до своих адресатов, поэтому рекламисты вынуждены искать новые технологии воздействия, направленные на преодоление неблагоприятных условий коммуникации. Семиотический анализ, проведенный автором доклада, показал, что появляется новый тип стратегий рекламного воздействия, которые внедряются по всему миру, – стратегии расширения рекламных медиа. Суть их в том, что с помощью разнообразных семиотических преобразований рекламисты стремятся вывести рекламные сообщения за пределы отведенного пространства рекламоносителя или присущего ему семиотического кода, расширяя тем самым возможности рекламного медиа. К числу таких преобразований можно отнести: а) расширение медиа за счет включения элементов фона/среды в состав сообщения; б) расширение медиа за счет имитации объединения нескольких рекламоносителей в единое целое; в) расширение медиа за счет включения адресата-наблюдателя в состав сообщения; г) расширение медиа за счет включения действия адресата в состав сообщения (содержание сообщения появляется только после нужного действия адресата); д) расширение медиа за счет нехарактерного для него семиотического кода (запах в наружной рекламе, тактильная или звуковая информация в печатной рекламе); е) интерференцию сообщения и рекламоносителя и т.д.

Целый день **28 мая** был посвящен различным презентациям. Прежде всего состоялась беседа с популярными писателями, литературными критиками и филологами **Ольгой и Владимиром Новиковыми**. Они представили на суд читателей две свои новые книги: «Строгая дама» О. Новиковой (М., Центрполиграф, 2007) и «Роман с литературой» В. Новикова (М., INTRADA, 2007). Сборник прозаических повестей и новелл О. Новиковой, как всегда, представляет ее женскую «мечту-идею» (по словам В. Новикова), в рамках которой причудливо переплетаются мифологическая картина и житейская, социально-психологическая реальность. А книга В. Новикова — это еще один опыт прекрасного сочетания литературно-критического и чисто художественного творчества. Таким образом, цитируя автора, писатель борется со скукой, «которую он постоянно разо-

блачает и вышучивает, стараясь при этом найти и поддержать живое в современной поэзии и прозе».

Затем были представлены два современных художественных журнала. Первый — «**Воздух**» (журнал поэзии) — представлял **Дмитрий Кузьмин**, который сказал, что само название этого издания неслучайно — оно содержит аллюзию на строки О. Мандельштама о «ворованном воздухе». Эта «ключевая идея» была оспорена Л.В. Зубовой, которая высказала мнение, что сегодня строки Мандельштама звучат не столь актуально, как во время их написания, и вынесение их в эпиграф издания несколько претенциозно. В заключение своего выступления Д. Кузьмин рассказал о серии поэтических книг, которые являются приложением к журналу. Журнал смешанной техники «**Черновик**» представил его главный редактор **Александр Очеретянский** (Нью-Йорк). Представление новых выпусков журнала сопровождалась презентацией «**Будущее смешанной техники в концептуальном видении**». Очеретянский отметил, что «смештехнический концепт» появляется там, где происходит смешение языка и рисунка, языка, рисунка и музыки (на бумаге, в партитуре в Сети).

Автором следующей презентации был программист, мэйл-артист **Юрий Гик** (Москва). Он познакомил слушателей с последними тенденциями развития мейл-арта и визуальной поэзии в России.

Полифоносемантические опыты **Александра Горнона** (Санкт-Петербург) переключили внимание аудитории в сферу анимационной поэзии, воспроизводящей стихотворный текст в динамике и интермедийной целостности. В ходе презентации А. Горнон подчеркнул, что полифоносемантика — это поэзия состояния, которая может получать реализацию как в вербальной, так и в сонорно-визуальной проекции.

В заключение был представлен совместный интермедийный проект художника и архитектора **Алексея Лазарева** и поэтессы-филолога **Наталии Азаровой** «**ДОМ ДЛЯ СТИХА. Архитектурные проекты на основе стихотворений**». Докладчики отметили, что идея связать поэзию и архитектуру не нова, поскольку метафора «архитектоника стиха» хорошо распространена. Но мало кому приходила мысль о прямой, а не метафорической связи архитектуры и поэзии. И Азарова, и Лазарев продемонстрировали буквальную реализацию заявленной метафоры, ее вещное воплощение. А именно, в их проекте текст стихотворения воспринимается как закодированный план построения дома. Задача художника-архитектора — создать такой дом, который не приблизительно, а буквально трактует все особенности стихотворного текста: от конфигурации — через фоносемантику — до акцентов и ключевых слов. Согласно заявленной идее, на экране были продемонстрированы «выстроенные» таким образом стихотворения Б.Констриктора, Д. Давыдова, Н. Азаровой.

